

РОЗДІЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СОЦІОЛОГІЇ

УДК 316.74:001

ИДЕНТИЧНОСТИ (БЕЗ?) ЗНАНИЕВЫХ ОСНОВАНИЙ: БЕСЕДУЯ С РОДЖЕРСОМ БРУБЕЙКЕРОМ

Голиков Александр Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье осуществляется анализ знаниевых оснований идентичностей в дискуссии с концепцией «этничности без групп» Роджерса Брубейкера. Основные положения этой концепции анализируются в дискурсе социологии знания, осуществляется её сравнение с концепциями, выступающими в качестве ключевых для анализа знаниевой конституции идентичности концепциями. Подчеркивается, что знание, находящееся в конституции идентичности, становится всё более диверсифицированным и (здесь автор статьи соглашается с Брубейкером) всё более «отчуждённым» от групповых и социоструктурных оснований идентичности. Делается вывод, что идентичность, оставаясь феноменом микроуровня со свойственными ему когнитивными, аффективными и конативными аспектами, на макроуровне всё более отдаляется от своих социоструктурных и материальных предпосылок, превращаясь в знаниевые конституты и даже конструкты.

Ключевые слова: знание, социология знания, социальное, идентичность, Р. Брубейкер.

У статті здійснюється аналіз знанневих підстав ідентичностей в дискусії з концепцією «етнічності без груп» Роджерса Брубейкера. Головні положення цієї концепції аналізуються в дискурсі соціології знання, здійснюється її порівняння з концепціями, що виступають ключовими для аналізу знанневої конституції ідентичності. Підкреслюється, що знання, яке знаходиться в конституції ідентичності, стає все більш диверсифікованим і (тут автор статті погоджується з Брубейкером) усе більш «відчуженим» від групових і соціоструктурних підстав ідентичності. Робиться висновок, що ідентичність, залишаючись феноменом мікрорівня з властивими йому когнітивними, афективними і конативними аспектами, на макрорівні все більш віддаляється від своїх соціоструктурних і матеріальних передумов, перетворюючись на знанневі конститути і навіть конструкти.

Ключові слова: знання, соціологія знання, соціальне, ідентичність, Р. Брубейкер.

In article the analysis of identity's knowledge bases in discussion with the concept of Rogers Brubaker's «ethnicity without groups» is carried out. R. Brubaker's concept is analyzed from the point of view of knowledge sociology, its comparison with concepts, key for the analysis of the knowledge constitution of identity, is carried out. It is emphasized that the knowledge which is in the constitution of identity, becomes more and more diversified and – here the author of article agrees with Brubaker – more and more «aloof» from group and from the socio-structural basis of identity. The conclusion that identity, remaining a microlevel phenomenon with cognitive, affective and konativny aspects, at the macrolevel more and more moves away from the socio-structural and material prerequisites, turning into knowledge constitutions or even constructs, is drawn.

Keywords: knowledge sociology, knowledge, social, identity, R. Brubaker.

Знаниевый анализ социального является не просто неполным, но конститутивно бесструктурным, методологически неорганизованным и гносеологически ошибочным без предварительного анализа когнитивно и пространственно стартового пункта знаниевой конституции общества, а именно идентичности социального субъекта. В наших предыдущих публикациях [1] мы уже осуществляли предварительный анализ данного объекта исследования и продемонстрировали как знаниевую

конституцію самих ідентичностних і ідентифікаційних феноменів, так і їх роль в функціонуванні соціального вообщє і соціального пространства, в частині. Однак осталися непроаналізованим ряд проблем як концептуального, так і емпіричного характеру, виникаючих вследствие такого попереднього дослідження.

Так, в сучасній соціології всё більше місце займають концепції ідентичності, концептуально аффілірованні з концепціями етнічності / групізма / общности без собственно етноса / групи / общности. І якщо П'єр Бурдьє, наприклад, діалектично допускає існування двох полярних поглядів на ці феномени, апеллюючи до марксовим «Klass-an-Sich» і «Klass-fur-Sich»¹ і означає їх як «реальні класи» і «класи на папері» [2], то уже Бенедикт Андерсон [3] і Домінік Шнаппер [4] вповне однозначно говорять про общностях (в широкому значенні слова) як про продукт глибоко знаних процесів і при цьому абсолютно лишєнному групового (субстантивного) оснoванія.

Сказанне вище передбачає мету нашої статті, а саме аналіз концепції Роджерса Брубейкера² з точки зору виробки підходу до ідентичностних феноменів з методологічної і концептуальної точки зору соціології знання.

Американський соціолог Роджерс Брубейкер (род. в 1956 році) є вповне типовим продуктом академічної системи США, а тому в його творчості відчутливо сліди основних американських мотивів і сюжетів в соціології – прагматизм, символічний інтеракціонізм (особенно його фрейд-аналітична гілка), мікросоціологізм, орієнтація на опис і пояснення емпіричних явищ як на ключовий спосіб верифікації теоретичних побудов. Однак в його концептуалізаціях етнічності (як різновидності ідентичності, відзначимо для себе) вповне однозначно коннотуються і секвенції з європейської соціології, в особенності з творчості П'єра Бурдьє, що мав помітний вплив на теоретичні побудови Брубейкера. В цілому нехарактерне для американських учених поважливе ставлення до європейських теоретичних студій прослідковується в концептуальних і операціональних розробках даного дослідника. Іменно тому аналіз його концепції ми частково будемо здійснювати в порівнянні з концепціями П'єра Бурдьє (в тому, що стосується (по)будови ідентичностей як таких) і Домінік Шнаппер (в аналізі собственно громадянських і національних ідентичностей).

Находясь в межах заявленої в назві своєї роботи оптики («Етнічність без груп»), Брубейкер навіть в емпіричному³ ключі, від якого він відтворюється, максимально визначено дає поняття опорних точок своєї концепції: «Я хочу показати, що етнічний конфлікт – або те, що краще було б назвати етнізованим або етнічно фрейдізованим конфліктом – не обов'язково потрібно розуміти як конфлікт між етнічними групами, і точно так же расовий (або фрейдізований як «расовий») конфлікт не треба розуміти як конфлікт між расами, а національно фрейдізований конфлікт – як конфлікт між націями» [5, с. 27]. Відзначимо в даному випадку, що, во-перших, аналізуючи макрофеномени, Брубейкер нарочито демонстративно використовує термінологію фрейд-аналіза, во-вторых, послідовно десубстанціалізує не тільки «концепцію групізма», але і аффілірованні з нею поняття (в частині, поняття конфлікту). Тут він неминуче апеллює до концептуальних побудов П'єра Бурдьє, який в межах структурного конструктивізму, по-перше, найбільш послідовно десубстанціалізував цілий ряд соціологічних категорій. В цьому контексті найбільш корисною для Брубейкера стає бурдьєвістська ідея про перформативний характер міжгрупових взаємодій [2]. Ідея Брубейкера звучить достатньо близько до бурдьєвістської: «Говорячи про групи, вони хочуть викликати їх до життя, мобілізувати їх. Використовувані ними категорії націлені на дію – призначені розбудити, викликати, оправдати, мобілізувати, зачекати і надати енергію» [5, с. 27]. Естественним наслідком цього є постулювання в якості базової аналітичної категорії не сутності («групи»), а «залежної від контексту концептуальної змінної» [5, с. 30] під достатньо умовним (як стає зрозумілим з наступного використання) назвою «груповість». Такий десубстанціалізуючий прийом достатньо характерний як для соціологічних синтетиків вообщє⁴, так і для сучасних досліджень ідентичності.

Однак при цьому, в відмінність від багатьох дослідників, в акціях десубстанціалізації ідентичності до самого межі і заперечують існування (або утверджують «смерть») того або іншого

¹ І, як видно з його концепції, вповне допускає екстраполяцію цього погляду на будь-яку общність як такову.

² Викладеному ним раніше всього в [5].

³ Або аналітично-емпіричному, що не принципово в даному випадку.

⁴ Сп. наприклад, поняття «структури» у Гідденса, «фігурації» у Н. Еліаса, категоріальні ряди у П. Бурдьє і П. Штомпки.

идентичностного и идентификационного феномена, Р. Брубейкер не отказывает им в реальности: «Переосмыслить в этом духе... - отнюдь не значит усомниться в их реальности, приуменьшить их силу или принизить значимость; такое переосмысление означает, что их реальность, сила и значимость истолковываются иначе» [5, с. 30]. Здесь вполне очевидной является томасовская конфигурация социального, каковое в вышеуказанной конфигурации образуется за счёт «магии социального» (говоря словами М. Мерло-Понти), а поэтому идентичностные и идентификационные феномены концептуализируются Р. Брубейкером через дискурсивные механизмы их реализации, а также габитуализированные основания этих механизмов: «...идиомы, идеологии, нарративы, категории и системы классификации, а также установки в понимании, мышлении, разговоре и фреймирующих заявлениях являются реальными и важными, особенно когда они встроены во властные организации» [5, с. 30]. Фукоистское (чего и сам автор в дальнейшем не отрицает) уточнение о важности властных организаций (употребляемых тут в максимально широком смысле слова) здесь не настолько важно, как: 1) собственно предлагаемая автором техническая операционализация изучения идентичностей; 2) авторская дискурсивизация (которая, заметим в скобках, не должна подводить нас к мысли о (целе)рационализации интерпретации идентичности и рассмотрении её сквозь призму индивидуальной свободы, доведённой до произвола), которая структурирует брубейкеровскую оптику.

Отметим, что, к примеру, близкое к вышеприведенному рассмотрение идентичностей Э. Гидденсом нельзя полагать синонимичной. Да, согласно Гидденсу, специфика идентичности личности в современном мире заключается в рефлексивности идентичности как проекта: идентичность выстраивается и осуществляется как целостный и постоянно корректируемый проект биографического повествования⁵, плотно связанный с господствующими в обществе абстрактными системами («метанарративами», по Ж.-Ф. Лиотару) и бытийствующим в этом же обществе спектре социальных и экзистенциальных выборов. Гидденс связывает это с потерей традициями силы и выходом на первый план свободного выбора образа жизни, что, по мнению Э. Гидденса, не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности, которая должна гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность [6]. Такой сугубо рационализирующий и рефлексизирующий взгляд на идентичность (и тут с Брубейкером согласились бы и П. Бурдьё, и Н. Луман) не поддерживается Брубейкером, который апеллирует, в первую очередь, к «социальному бессознательному», по выражению бурдьёвистских социологов (не в последнюю очередь – П. Шампаня, Л. Пэнто, Ю. Качанова).

Именно поэтому Брубейкер делает следующий шаг по синтетической дороге интерпретации идентичности (который можно условно обозначить как штотмпкианский шаг), а именно – переход к «событийному» анализу социального мира. Напомним, что П. Штомпка предлагал рассматривать «событие» как «мельчайшую фундаментальную единицу социологического анализа, причем под событием имеется в виду любое моментальное состояние социального поля (либо его сегмента)» [7], тем самым уходя от структурной и системной субстанционализации общества, а, следовательно, и социальных идентичностей как, говоря языком Дюркгейма, социальных фактов. Р. Брубейкер делает аналогичный ход, заявляя, что «...объяснить фазы чрезвычайной сплочённости и моменты сильного чувства коллективной солидарности» – рассматривать «групповость как событие, как то, что случается»; отсюда следует, что «групповость может не произойти, что высокая степень групповости может не кристаллизироваться вопреки «группо-творческим» усилиям» дельцов от группо-политики [5, с. 31].

Таким образом, идентичность как таковая у Р. Брубейкера предстаёт как результат процессов социального конструирования, и здесь он небезосновательно отсылается к М. Веберу, для которого «общность – больше, чем просто причастность к категории. Она есть категория...». Впрочем, замечает Брубейкер, «даже самокатегоризация не создаёт «группы»» [5, с. 33]. В первую очередь, это так потому, что «категория не есть группа. ... Она является базисом для образования группы или групповости» [5, с. 32]. Исследователь возражает как против онтологической, так и против категориально-гносеологической субстанционализации: против отождествления идентичности как с группой, так и с категорией. Но этого мало: возражения поступают и по линии «номинальное – реальное»: отказывая идентичностям в сугубо «реальной» природе⁶, далее он отказывает им и в сугубо «номинальной» природе (см. вышеприведенное возражение к самокатегоризации). Иначе говоря, в понимании знания Брубейкер идёт дальше П. Бергера и Т. Лукмана, становясь по одну сторону баррикад с многократно упоминаемым им П. Бурдьё, утверждая двойное конституирование знания – в данном случае знаниевых компонент идентичностей.

⁵ Прежде всего о прошлом и будущем, что десубстанционализирует и дискурсивизирует у Гидденса рассмотрение идентичности.

⁶ О чём свидетельствует собственно название монографии.

Причём это касается не только сугубо и априорно знаниевых конститутов идентичности⁷, но и тех конститутов идентичности, которые не рассматриваются как знаниевые: «Насилие становится «этническим» («расовым», «националистическим») благодаря значениям, которые придают ему преступники, жертвы, политики, чиновники, журналисты, исследователи, работники служб помощи и др. Такие акты фреймирования и нарративного кодирования не просто интерпретируют насилие – они конституируют его в качестве этнического» [5, с. 40]. Рассматривая, в первую очередь, этнические (национальные, расовые) идентичности, учёный, что естественно, обращает внимание на наиболее массовые (значимые, политически весомые, интеллектуально яркие) практики, которые фреймируются и нарративно кодируются как этнические (национальные, расовые). Однако очевидно, что предложенную им схему анализа допустимо применять для всех практик, конституирующих идентичности и конституированных ими⁸, просто результаты их социологического анализа не будут настолько «выпуклыми» и методологически бесспорными. В первую очередь это связано с тем, что интерпретативное фреймирование часто является предметом спора. «Насилие (и вообще конфликт) регулярно вызывает общественную борьбу назвать, интерпретировать и объяснять» [там же]. Брубейкер называет их метаконфликтами, иначе говоря, конфликтами за природу конфликта, и здесь он существенным образом расходится с Пьером Бурдьё, согласно которому любая символическая борьба своим предметом и целью имеет именно сами правила игры, иначе говоря, правила интерпретации и номинации. Брубейкер выделяет такие конфликты в отдельный класс, что, с одной стороны, делает подход более гибким, однако заставляет любого исследователя поставить вопрос, не упускается ли таким образом что-то важное в исследовании любой идентификационно фреймированной интеракции.

Ведь если, ссылаясь на Стюарта Холла, называть идентичности «точками временного прикрепления к субъективным позициям, конструируемым для нас дискурсивными практиками» (цит. по [5, с. 80]), то (вполне в методологии рефлексивной социологии) необходимо осознавать не только социологическую практику как практику, идентификационно фреймированную, но и как практику идентификационного фреймирования. А это значит, что в дискурсивные практики конституирования идентичностей с необходимостью должно включать практики научного (социологического, исторического, культурологического, масс-медийного и т.п.) (о)смысления. Эта ремарка важна прежде всего для демонстрации мировоззренческих различий между Брубейкером и Бурдьё.

Кроме того, Брубейкер не анализирует истоки идентификации. Он постулирует как самоочевидность (вводит в аксиоматическую систему) тот факт, что «человеку бывает необходимо идентифицировать себя – охарактеризовать себя, определить своё место относительно знакомых ему других людей, найти себе место в нарративе, поместить себя в категорию» [5, с. 90]. Иначе говоря, идентификационное знание у Брубейкера имеет *de facto* антропологические основания, что несколько снижает ценность его социально-конструктивистского пафоса. Это возникает прежде всего из-за вышеупомянутого американизированного прагматизма анализируемой социологической концепции: автору оной намного легче ввести в аксиоматику потребности в идентификации, чем анализировать знаниевую конституцию этой потребности (которая, отметим в скобках, хорошо раскрывалась бы в концепции габитуса Н. Элиаса или П. Бурдьё).

Кроме того, тем самым Брубейкер упускает за пределы своего рассмотрения саму проблему конструирования потребности в идентичности, что блестяще раскрыто Мишелем Фуко, который подметил, что индивидуализирующие и солидаризирующие способы идентификации и классификации принадлежат к самой сердцевине «ментальности управления» в современном государстве [8]. Вряд ли тут стоит допускать слепоту столь заметного и проницательного исследователя; скорее, речь идёт о классической методологической фигуре умолчания, которая позволяет интерпретировать идентичности *исключительно и только* как результат естественных процессов, не находящихся здесь-и-сейчас под прессингом социальной инженерии.

Возвращаясь к процессам и условиям идентификации, отметим отдельно мысль Р. Брубейкера, которая лишней раз призвана подчеркнуть «стихийность» и естественность процессов идентификации: «...Идентификация не требует определённого идентификатора: она может быть вездесущей и влиятельной и в том случае, если не осуществляется отдельными, конкретными лицами или институтами. Идентификация может осуществляться более или менее анонимно посредством дискурсов или публичных нарративов» [5, с. 94]. С одной стороны, такое постулирование целиком и полностью находится в фарватере социально-конструктивистской парадигмы, с другой стороны, оно реминисцирует с

⁷ В частности, те дискурсивные элементы, которые мы приводили выше.

⁸ Если уж поддерживать оптику «двойного конституирования социальной реальности».

десуб'єктивізацією і десубстанціоналізацією соціального, с третьою ж, оно не учитывает разнородность и разномошность различных социальных субъектов – от масс-медиа и института образования до отдельных социальных агентов.

Таким образом, термин «идентичность» для Брубейкера «...указывает на способы, какими индивидуальное и коллективное действия могут руководствоваться партикуляристскими пониманиями самого себя и своей социальной локализации, а не мнимо универсальными, структурно заданными интересами» [5, с. 95], что ставит под вопрос как системность общества (в силу подобной гиперпартикуляризованности), так и тотальность конструируемых идентичностей. Иначе говоря, в проходе по лезвию синтетической методологии автор всё же постепенно сходит в сторону микросоциологической традиции, и тут совершенно объяснимым является возникновение термина «самопонимание», который автор предлагает «в качестве альтернативы «идентичности». Этот диспозиционный термин означает, можно сказать, «ситуативную субъективность»: понимание человеком самого себя, своего социального положения и того, как он готов действовать» [5, с. 95]. И здесь автор, сделав первый шаг, вынужден усугублять вышеуказанный сход с тонкой синтетической грани, уточняя и углубляя, что «...»самопонимание» - субъективный, самореферентный термин. Как таковой он обозначает собственное понимание человеком самого себя. Он не может схватывать понимания человека другими людьми, хотя внешние категоризации, идентификации и репрезентации могут играть решающую роль в определении того, как человек рассматривается и истолковывается другими, и даже в формировании у человека его понимания самого себя» [5, с. 97]. Иначе говоря, выбирая между более или менее субстанционалистской и макросоциологической мыслью Чарльза Тилли (что групповость есть общий продукт «принадлежностей» к категории и к сети – категориальной общности и реляционной связанности) и аргументом новержца Фредрика Барта (согласно которому принадлежность к группе определяется не общими свойствами или культурной общностью, но практиками классификации и категоризации, включая и самоклассификацию, и классификацию других и другими), Брубейкер более или менее определённо склоняется ко второму – безусловно, с поправками, вносимыми томасовскими и – на более высоком уровне – синтетическими инвективами социологии начала XXI века.

Интересно уточнить наш анализ сопоставлением концепции Брубейкера с так или иначе «соседствующими» теориями. Так, Доминик Шнаппер ещё более детализирует знаниевую операционализацию (в данном случае гражданской) идентичности как социального феномена. При этом она говорит о сообществе граждан как о принципе «функционирования и общем идеале», который «узаконивает правила, согласно которым люди получают власть и способствуют разделению между гражданами и группами материальных (прибыль, имущество, услуги) или нематериальных (безопасность, здравоохранение, образование, пользование коммунальными услугами) благ, решают конфликты, которые могут возникнуть в результате этого разделения, и отстаивают независимость и стремление нации среди других политических единиц» [4, с. 98-99]. В дальнейшем она среди таких индикаторов называет уважение законов и Конституции (в целом правил, которые определяют функционирование государства), политики как борьбы за власть и ее реализацию, а также совокупности правил, которые определяют взаимоотношения между людьми, в родственных, экономических и социальных отношениях, иначе говоря, окончательно сдвигает идентичность в оптику рассмотрения знаниевой конституции идентичности, близкую к контрактным теориям социального.

При этом Шнаппер вводит достаточно дискуссионный тезис о том, что «нация явно или неявно считается абстрактным понятием, в отличие от конкретно существующей реальности племён, городов или этнических групп» [4, с. 107], иначе говоря, не признаёт единой идентификационной структуры для разных идентичностей, а следовательно, не признаёт возможности изучения идентичностей универсальной методической аппаратурой посредством анализа знаниевой структуры идентичностей. Так, в отличие от идентичностей города / этноса / племён идентичность гражданская, по мысли Шнаппер, опирается на трансцендентность. Правда, при этом она достаточно метко констатирует, что «существует основное противоречие между универсальным принципом, на который ссылается гражданская нация, и политикой, которую ведет каждая из них с целью утверждения собственной непохожести и отличия от других» [4, с. 117]. Несмотря на этот фехтовально точный выпад, мы должны признать, что субстанционализация и антропологизация, как минимум, самой природы идентичности (если не собственно национальной и гражданской идентичности) у Шнаппер идёт куда дальше, чем у Брубейкера, что сужает возможности социологии знания в анализе этого феномена.

Другой вариант рассмотрения «идентичностей без идентичностей»⁹ предлагает Пьер Бурдьё, который, анализируя процессы становления и существования классов, пишет: «В противовес реализму интеллигентного (или овеществления понятий) следует утверждать, что классы, которые можно вычлени́ть в социальном пространстве ..., не существуют как реальные группы, несмотря на то, что они объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации и даже профсоюзные или политические “движения”» [2, с. 59]. При этом «реальными» Бурдьё называет те группы, которые помимо объективных (реальных) позиций обладают специфичными групповыми диспозициями («классовым габитусом»).

В отличие от Шнаппер, Брубейкера, Гидденса, Элиаса, Андерсона и многих других, Бурдьё акцентирует на том, что «главное в опыте социального мира и в работе по его конструированию – то, что он предполагает обращение к практике ниже уровня эксплицитного представления и вербализованных выражений. Чувство позиции, занимаемой в социальном пространстве ..., будучи ближе к классовому бессознательному, чем к «сознанию класса» в марксистском смысле, есть практическая материя социальной структуры в ее ансамбле, который раскрывается через ощущение позиции, занятой в этой структуре» [2, с. 64]. Иначе говоря, различия необязательно включают в себя стремление к различению, как часто считают вслед за Вебленом с его теорией *conspicuous consumption*. «Различение — в обычном смысле этого термина — это различие, вписанное в структуру самого социального пространства, поскольку оно воспринимается в соответствии с категориями, согласованными с этой структурой» [2, с. 69]. Таким образом, Бурдьё вовсе не продолжает десубстанционализацию идентичности, но «привязывает» последнюю к объективным и социально-фактическим структурам и явлениям (в этом смысле, заметим, пафос Бруно Латура был явно направлен не на тот объект).

Таким образом, знание, находящееся в конституции идентичности, в глазах социологов приобретает всё больше значения, становится всё более диверсифицированным и всё более «отчуждённым» от групповых и социоструктурных оснований идентичности. Это подводит социологов под соблазн абсолютной десубстанционализации и субъективации идентичности. Однако мы должны акцентировать внимание на том, что ни Брубейкер, ни Шнаппер не опровергли аксиомы, что идентичность, оставаясь феноменом микроуровня со свойственными ему когнитивными, аффективными и конативными аспектами, на макроуровне всё более отдаляется от своих социоструктурных и материальных предпосылок, превращаясь в знаниевые конституты или даже конструкты, а следовательно – продолжает существовать на макроуровне и в социальной реальности, пускай и не конституируясь в жёстких фактических социальных институтах, но воспроизводясь в практиках (более или менее устойчивых), дискурсах и нарративах.

Литература:

1. Голиков А. С. Идентичность в структуре знания о социальном: эвристические возможности и методологические ограничения [Текст] / А. С. Голиков // Молодой ученый. — 2015. — №2.
2. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко / Пьер Бурдьё — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Бенедикт Андерсон. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 288 с.
4. Шнаппер Д. Спільнота громадян. Про модерну концепцію нації / Пер. з французької Р. В. Мардера / Доминик Шнаппер. — Харків: Фоліо, 2007. — 223 с.
5. Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой; НИУ «ВШЭ» / Роджерс Брубейкер. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. — 408 с.
6. Гидденс Э.. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Энтони Гидденс. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 120 с.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова / Петр Штомпка. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — 416 с.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / Пер. с франц. И. Окуновой под общей ред. Б. М. Скуратова / Мишель Фуко. — М.: Практика, 2005. 320 с.

⁹ Как на онтологическом, так и на гносеологическом уровнях, где достаточно мощно функцию идентичности выполняет габитус.